

Пролог

*26 декабря 1763 года
Родгар-Эбби, Англия*

В этот второй день Рождества большой зал Родгар-Эбби был красиво украшен остролистом, плющом и омелой, перевитыми праздничными ленточками. Массивное рождественское полено горело в очаге, и пряный апельсиновый аромат наполнял воздух.

Маркиз Родгар пригласил много родни в свой дом на Святки, и этот зал стал центром празднеств. Сейчас, однако, гостей привлекло развлечение совсем иного рода — скандал.

Вдовствующая маркиза Эшарт, невысокого роста, тучная и свирепая, только что ворвалась в дом. Она отмахнулась от приветствия одного внука, маркиза Родгара, и приказала своему другому внуку, маркизу Эшарту, немедленно покинуть этот ненавистный кров. Это никого не удивило. Семейство Трейсов во главе с лордом Эшартом было на ножах с Маллоренами, возглавляемыми Родгаром, в течение целого поколения. Все гости были поражены присутствием Эшарта на вечере. Но как он отреагирует на то, что ему приказывают как какому-то щенку? Все глаза обратились на красивого темноволосого молодого человека, известного своим вспыльчивым нравом.

— Почему не остаться? — невозмутимо спросил Эшарт вдову. — Нужно обсудить семейные дела.

— Я бы не осталась в этом доме, даже будь он последним кровом в Англии! — рявкнула она.

— Тогда позволь тебе представить леди, которая будет моей женой, — мисс Дженива Смит.

Среди гостей послышались изумленные возгласы. Эшарт собирается жениться на компаньонке своих двоюродных бабушек!

— Что?! — взвизгнула вдова, делаясь красной, как ягода остролиста. Затем она окинула зал взбешенным взглядом: — Я слышала, эта девчонка Миддлтон здесь. Где она?

Все глаза обратились на молодую женщину в зеленом полосатом платье, чьи щеки внезапно вспыхнули. Она не была красавицей: волосы обыкновенного каштанового цвета, глаза голубые, а губы не по моде тонкие. Сейчас они были гневно сжаты.

Дамарис Миддлтон терпеть не могла быть в центре внимания, но она наблюдала за этой сценой, вся оцепенев и внутренне трепеща от ярости. Эшарт принадлежит ей. Когда она обнаружила, что богата, то твердо вознамерилась сделать великолепную партию. Поверенные составили для нее список наиболее нуждающихся молодых титулованных джентльменов Англии. Она изучила его и выбрала маркиза Эшарта. Она посетила его имение и получила одобрение вдовы. Ее поверенные уже ведут переговоры с адвокатами Эшарта, составляя брачный договор. Все улажено, за исключением официального предложения и подписей. Ему нужны ее деньги, а он — ее пропуск в мир аристократии.

Как же ей поступить? Ее первым побуждением было убежать, скрыться от множества недружелюбных взглядов. Но она не будет трусихой. Дамарис присела перед старой дамой.

— Я рада, что вы приехали, леди Эшарт. Я не знала, что делать. Как вам известно, Эшарт уже дал обещание мне.

В зале повисла гробовая тишина, и шею Дамарис, словно сквозняком, обдало холодом. Не совершила ли она только что ужасную ошибку? Девушка огляделась вокруг. Для этих людей она самозванка. Дамарис не состояла в кровном родстве с Маллоренами, и здесь оказалась лишь потому, что ее опекун — лорд Генри Маллорен. Она из простой семьи и не знает правил этого мира. Ей захотелось убежать и спрятаться, но она не могла позволить Джениве Смит увести Эшарта прямо у нее из-под носа!

Красивая блондинка мисс Смит нарушила тягостное молчание:

— Вы, должно быть, ошибаетесь, мисс Миддлтон.

— Ну разумеется, — резко бросил Эш.

Кровь ударила в лицо Дамарис, придав ей смелости.

— Как я могу ошибаться? — Она повернулась к вдове: — Разве это не так?

Все затаили дыхание.

Леди Эшарт устремила холодный взгляд на внука.

— Да, — сказала она, — это так.

Дамарис торжествующе повернулась к маркизу, но не успела она потребовать извинения, как отреагировала мисс Смит.

— Ах ты подлец! — закричала она на него. — Мерзавец! — Она побежала в обеденный зал и вернулась, чтобы швырнуть в него едой.

Дамарис смотрела, пораженная, как и все остальные, но склонялась к тому, чтобы поддержать мисс Смит. Она и сама с превеликим удовольствием надела бы на голову негодяя чашу с пуншем.

Но тут Эшарт встал на одно колено, измазанный, растрепанный, но все равно неотразимый.

— Милая Дженни, великодушная Дженни, грозная Дженни! Выйдешь за меня? Я люблю тебя, Дженни. Я обожаю тебя.

— Нет! — пронзительно закричала Дамарис одновременно с громогласным «Эшарт!» вдовы.

Дамарис в ярости ринулась вперед, но сильные руки ухватили ее сзади.

— Не надо, — тихо сказал мужской голос ей на ухо. — Вы только сделаете хуже.

Фитцроджер. Друг Эшарта, который докучал ей в последние дни, удерживая на расстоянии от ее избранника. И что из этого вышло! Она вырывалась, но была безжалостно оттянута назад, подальше от Эшарта. Затем она услышала, как Дженива Смит сказала:

— Да, Эш, любимый, я выйду за тебя.

— Нет! — завопила Дамарис. — Он мой!

Ладонь накрыла ей рот, другая сдавила шею. Все потемнело.

Фитцроджер принес Дамарис наверх. Она не нашла в себе сил протестовать, слыша позади гомон и смех. Она потеряла Эшарта! Все смеются над ней. Она унизила себя перед людьми, к кругу которых надеялась принадлежать. Теперь они потешаются над глупой мисс Миддлтон, которая думала, что ее богатство может купить ей место среди них. Дочерью и наследницей человека, который был немногим лучше пирата.

Ее положили на кровать, и она слышала обеспокоенный голос своей служанки Мейзи. Она не открывала глаз, словно это могло все исправить. Кто-то приподнял ее и поднес стакан к губам. Лауданум. Она ненавидела опий и его затяжное воздействие, но с благодарностью выпила. Если бы только снадобье имело силу

стереть последний час и позволить ей повести себя с бóльшим достоинством!

Полог над кроватью задернули. Голоса стали смутными, едва различимыми. Дожидаясь, когда подействует лекарство, Дамарис вновь и вновь прокручивала в голове катастрофу. Она ни за что не сможет снова появиться перед этими людьми!

Первые двадцать лет жизни она не знала другого пристанища, кроме скромного Берч-Хауса в Уорксопе. Вполне приличный дом для врача, каким был ее дедушка, но ничто в сравнении с Родгар-Эбби или даже с обветшалым родовым гнездом Эшарта, Чейнингсом.

Вплоть до прошлого года она жила в благородной бедности, ибо уже через несколько месяцев после женитьбы на матери ее отец отправился на поиски приключений, и то немногое, что он присылал, не допускало роскоши. Они с мамой сами шили себе одежду и без конца чинили ее. Еда была самой простой, большая часть из своего огорода. Слуги, молодые и неуклюжие, как только приобретали необходимые навыки, тут же уходили на более высокое жалованье.

Но после смерти матери Дамарис узнала правду. Ее отец невероятно разбогател и оставил почти все свое состояние ей. Он даже распорядился об опекуне, если они с мамой умрут до достижения ею совершеннолетия. Этим опекуном был лорд Генри Маллорен, пожилой дядя маркиза Родгара. Вот почему Дамарис оказалась здесь, в Родгар-Эбби. Лорд Генри и его жена изъявили желание поехать, и им ничего не оставалось, как взять свою подопечную — Дамарис — с собой.

Дамарис была счастлива вырваться из скучного дома лорда Генри и побольше узнать о блестящем мире аристократии, который скоро будет и ее миром, когда она станет маркизой Эшарт. Как она вообще могла подумать, что сможет взлететь так высоко? Ей следовало знать, что ни красивая одежда, ни вели-

колепные драгоценности не меняют человека. Это все равно что прикрывать навозную кучу шелком.

Ей здесь не место, и она не сможет вынести их хихиканья у себя за спиной.

И прежде чем тьма поглотила ее сознание, она поняла, что должна уехать.

Глава 1

На рассвете следующего дня карета удалялась от Родгар-Эбби так быстро, как только позволял выпавший за ночь снег. Дамарис молилась, чтобы они не застряли в заносах. Бриггс, кучер ее опекуна, мрачно предсказывал, что далеко они не уедут, опять пойдет снег и остановит путешествие, но она сыпала гиней, пока он не согласился. Должна же быть хоть какая-то польза от того, что ты одна из богатейших женщин в Англии! А что, если за ней гонятся? Скрип колес и стук копыт заглушали звуки погони. Или, быть может, она ничего не слышала из-за своего неистово колотящегося сердца?

— Все это добром не кончится, — возвестила горничная. Простоватая толстушка Мейзи двадцати пяти лет была веселой и жизнерадостной, но сегодня она выглядела непривычно задумчивой. — Как мы проделаем весь обратный путь, чтобы нас не поймали, мисс?

Дамарис накричала бы на нее, да только Мейзи, вероятно, осталась ее единственным другом в целом свете.

— Нужно только добраться до дороги на Лондон и купить билеты. Мне двадцать один, и Маллорены не могут вытащить меня из дилижанса.

Угрюмое молчание Мейзи говорило: «Хотела бы я быть в этом уверена». Дамарис терзали те же

сомнения. Маллорены, похоже, сами себе закон, а ее опекун, лорд Генри, — настоящий тиран. Но возможно, им наплевать, и они рады избавиться от нее.

Карета покачнулась, поворачивая из парка аббатства. Она почувствовала облегчение от того, что больше не находилась на земле Маллоренов. В Фарнеме она сядет в почтовую карету, потом в Лондоне купит билеты на север и вернется в Берч-Хаус. Она понятия не имела, что будет делать потом. Вероятно, вернется к бедности, ибо по отцовскому завещанию опекун имеет право придержать ее деньги, если она не будет жить, где он скажет, и поступать, как ей велят. Но она сможет довольствоваться малым. И это только до той поры, пока ей не исполнится двадцать четыре.

Краем глаза она заметила какое-то движение и резко повернулась вправо. Рядом с ее окном скакал всадник. Превосходная лошадь. Прекрасный наездник. Белокурые волосы, летящие по ветру.

Фитцроджер отрезал путь ее карете. Дернувшись, она остановилась, и кучер спросил:

— Неприятности, сэр?

В ответ послышался невозмутимый голос, который все эти дни так раздражал ее:

— Мне нужно переговорить с мисс Миддлтон.

Мейзи застонала. Дамарис хотелось сделать то же. Карета превратилась в ловушку.

Фитцроджер подъехал к окошку и заглянул внутрь. Он всегда одевался скромно, но сейчас выглядел как настоящий бродяга. Светлые волосы свободно рассыпались по плечам, ворот рубашки расстегнут, а под простым синим сюртуком нет жилета. Да он же все равно что раздет! Взгляд его холодных голубых глаз казался раздраженным. Какое он имеет право злиться на

10 нее — друг Эшарта без гроша в кармане?

Дамарис опустила стекло, высунулась и крикнула:

— Поезжай, Бриггс! — Холодный ветер ударил ей в лицо. Бриггс, чума его возьми, не подчинился.

Фитцроджер ухватился за край оконной рамы голой рукой. Эта властная рука нервировала ее, мешала поднять стекло. Голая рука. Обнаженная шея. Непокрытая голова. Она надеялась, что он замерзнет до смерти.

— Чего вы хотите, сэр?

— Всего лишь немного вашего времени, мисс Миддлтон.

Он спрыгнул с лошади, крикнув груму взять животное. Это подстегнуло Дамарис к действию. Она высунулась чуть больше и закричала:

— Да поезжай же, ты, бесхребетный слизняк!

Напрасный труд. Несмотря на возмутительно огромную взятку, Бриггс бросает ее при первом же испытании. Если бы она умела править, то забралась бы на козлы и сама взяла вожжи. Молодой грум с глазами навывкате появился перед окном и забрал лошадь. Фитцроджер открыл дверцу, улыбаясь, — только не Дамарис, а Мейзи.

— Возвращайся в дом с грумом. Я привезу твою госпожу чуть погодя.

— Нет, не привезет. Мейзи, не смей его слушаться!

Мейзи, предательница, пододвинулась к двери. Дамарис схватила ее за юбку, чтобы остановить. Фитцроджер резко ударил ее по руке, заставив разжать ладонь, и освободил Мейзи. Дамарис разинула рот и потрясенно уставилась на него. Руку все еще покалывало.

— Как вы смеете?!

Она потянулась к дверце, чтобы захлопнуть ее, но мужчина вскочил в карету и закрыл за собой дверцу. Он сел на сиденье напротив нее и обратился к груму через окно:

— Отвези служанку в дом и помалкивай об этом.

— Слушаюсь, сэр.

Чистейшая ярость ослепила Дамарис, и она потянулась за пистолетом в кобуре возле своего сиденья. Она ничего не знала об оружии, но, несомненно, нужно просто прицелиться и нажать на спусковой крючок.

Сильная рука мужчины сомкнулась вокруг ее запястья. Дамарис вдруг почувствовала, что не может пошевелиться, удерживаемая его железной хваткой и твердым взглядом холодных глаз. Она рывком высвободилась, откинулась назад, сунув руки в муфту.

— Говорите, что собирались сказать, мистер Фитц-роджер, и уходите.

Он высунулся из окна:

— Можешь разворачивать лошадей, кучер.

Обратно к дому. Она не может вернуться, но не знает, как предотвратить это. Слезы душили ее, но она проглотила их.

Он поднял стекло, преграждая путь ледяному зимнему воздуху, но запирая ее в этом замкнутом пространстве с ним. Их ноги едва ли могли избежать соприкосновения, и она почти ощущала исходящее от него тепло.

— Вы ведь не хотели на самом деле убежать?

Она ответила на это молчанием.

— Как вы убедили слуг лорда Генри везти вас?

— Гинеи, — монотонно ответила она, — которых у меня в избытке, а вам определенно недостает.

— Зато у меня знание жизни, которого вам явно не хватает.

Она стрельнула в него взглядом:

— Тогда вы понимаете, что моя репутация погублена.

— Нет, но этот безумный побег может ее окончательно испортить.

Она снова отвела глаза и посмотрела в окно на унылый пейзаж.

— Я не узнаю об этом, меня уже здесь не будет.

Но как она убежит? Никакие доводы или слезы на Фитцроджера, похоже, не действуют. И едва ли его можно подкупить.

— Побег не поможет, потому что рано или поздно вам снова придется встретиться со всеми этими людьми. Если только вы не намерены жить как отшельница.

— Это Эшарту должно быть стыдно. Он собирался жениться на мне.

— Точнее, на ваших деньгах.

Было неприятно услышать правду, высказанную без обиняков, но Дамарис посмотрела ему прямо в глаза:

— Справедливая сделка. Мое богатство за его титул. Ему без него не выжить.

— Не истратил — все равно что заработал.

Дамарис горько усмехнулась:

— Планирует экономить? Эшарт? Это с его-то бриллиантовыми пуговицами и великолепными лошадьми?

— Очко в вашу пользу. Но сейчас надо думать о нашем будущем.

Ей стало интересно, правильно ли она понимает причину этого вмешательства. Фитцроджер был для нее загадкой. Он, несомненно, беден и прозябает в качестве бесплатного компаньона Эшарта.

— Я не обменяю свое состояние за меньшее, сэр, если в этом ваш план.

Может, правда и обидела его, но он не подал виду.

— Я и не мечтаю взлететь так высоко. Думайте обо мне как о сэре Галааде, спасающем даму из благородных побуждений.

— Меня не нужно спасать. Я хочу, чтобы мне позволили продолжить путь.

У него был такой вид, словно ему хотелось встряхнуть ее, но потом он расслабился, вытянув длинные ноги. Они коснулись ее широких юбок. Она хотела было отодвинуться, но вовремя остановила себя.

— Однажды я попал в дурацкое положение, — сказал он. — Мне было пятнадцать, я был новоиспеченный знаменосец, гордящийся своей формой, но понимающий, что всем известно: я всего-навсего юнец, строящий из себя солдата. Как-то раз я спешил через оживленную казарменную площадь и посторонился, чтобы дать дорогу одной из офицерских жен. К несчастью, при этом зацепил своей саблей юбки другой дамы. Сабля запуталась за какую-то там ленту, и я не смог освободить ее, поэтому повернулся, сделав только хуже. Ее ноги обнажились до самых коленок, и она орала, чтобы я прекратил. Я весь взмок, не зная, что делать. Попытался попятиться. Что-то затрещало... Я был уверен, что никто никогда этого не забудет. Если б мог, я бы сел на корабль и уплыл куда глаза глядят. Но очень скоро поддразнивания прекратились, все забылось.

Дамарис слишком живо могла представить себе это и даже немного посочувствовала, но сказала:

— Это не то же самое.

— Верно. Моя неприятность была чисто случайной, тогда как ваша преднамеренная. Вам хотелось получить приз, который вы выбрали, и если бы я вчера не остановил вас...

— Остановили! У меня до сих пор синяки. — Но воспоминания о той сцене нахлынули на нее и вызвали мучительную боль. Она в отчаянии взмолилась: — Пожалуйста, отпустите меня! Я уеду в свой старый дом. Со мной все будет хорошо.

Он взял ее за руки. Она попыталась высвободить их, но силы покинули ее, а глаза заволокло слезами.

— Если вы сбежите, ваше поведение запечатлется в памяти людей. Когда же вернетесь и будете в хорошем настроении, все станут сомневаться, действительно ли все было так, как они помнят.

Она заморгала, пытаясь прочесть по его лицу, прав ли он.

— Каждая подробность, должно быть, врезалась в их память.

— Все детали происшествия заполнили ваше сознание, как то злоключение с саблей осталось в моем. В воспоминаниях же остальных это просто часть захватывающей драмы, и для большинства вы пострадавшая сторона. Многие вам сочувствуют.

Она вырвала свои руки.

— Жалеют! Беднягу, которую бросили, потому что никакие ее драгоценности и богатства не могут компенсировать невзрачного лица, неуклюжих манер и низкого происхождения.

Девушка застыла, не в силах поверить, что обнаружила свою постыдную тайну перед этим человеком, затем прикрыла лицо рукой. Он сел рядом и мягко потянул ее руку вниз.

— Напрашиваетесь на комплименты, мисс Миддлтон?

Дамарис посмотрела на него, но она плохо соображала, когда его тело оказалось так близко на узком сиденье кареты. Этот мужчина прижимался к ее ноге и руке, а его сильная, теплая ладонь держала ее руки.

— Вы не можете состязаться с Дженивой Смит в красоте, — сказал он. — Не многие могут. Но не невзрачная, нет. И я не заметил, чтобы было что-то не так с вашими манерами, за исключением того срыва, когда Эшарт обманул вас. Возвращайтесь со мной. Обещаю поддерживать и защищать вас и позаботиться, чтобы все вышло так, как вы пожелаете.